

МУДРЕЦЫ и ПРОРОКИ

ПРИТЧИ СО ВСЕГО СВЕТА

Коллектив авторов
Притчи со всего света
Серия «Мудрецы и пророки»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39481605
Притчи со всего света: АСТ; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-102682-0

Аннотация

Испокон веков люди сочиняли притчи, собирали и передавали их следующим поколениям. В этих историях воплотилась вся мудрость мира, а их сюжеты оказали влияние на всю последующую литературу. Древние сказания не потеряли свою актуальность и сегодня. Вошедшие в эту книгу притчи были созданы в разных частях земного шара, в них отразились особенности жизни разных народов, порой совершенно не похожих друг на друга. Но герои историй, ставшие нарицательными персонажами, являются общемировым достоянием. Современную культуру невозможно представить без этого многовекового наследия.

Содержание

Античные мифы	5
Прометей	5
Девкалион и Пирра	12
Фаэтон	16
Кадм и основание Фив	21
Пенфей и Вакх	25
Персей	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Притчи со всего света

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2019

Античные мифы

Прометей

Было время, когда на земле не существовало человека, и только одни животные населяли ее. Море было полно рыб, радостное щебетание птиц каждый раз наполняло воздух перед появлением утренней зари, рычание и рев различных животных только по ночам переставали оглашать лесные чащи. И недоставало только одного человека.

И вот титан Прометей, потомок древнего рода богов, низвергнутых некогда Зевсом с Олимпа, спустился однажды на дику, покрытую роскошной зеленью землю. Он знал, что в земной почве погребены семена неба, и захотел оживить их. Взявши кусок сырой глины, он создал из нее форму, похожую на образы вечно прекрасных богов. Чтобы оживить этот, пока еще безжизненный кусок глины, он взял у животных их злые и добрые чувства и вложил их в грудь своего творения. Афина Паллада, богиня мудрости, оказала при этом ему свою помощь, вдохнув божественную душу в эту полуживую форму.

Так произошли первые люди. Долгое время они были жалки и слабы, как маленькие дети; они не умели двигать своими членами, божественная искра, вложенная в них, тухла,

не освещая ничего в темноте, окружавшей их. Они открывали свои глаза, но не могли ничего разглядеть ими, звуки достигали их уха, но ничего не говорили им, и так жили они, бесцельно бродя по земле, как погруженные в глубокий сон. Ремесла и искусства были неизвестны им: они не умели обтесать балку или камень, не умели построить хотя бы самую плохонькую хижину, не умели обжечь черепицу или слепить горшок. Для них не существовало ни весны, ни зимы, ибо они не умели отличить одну от другой, и не было никакого порядка и смысла в том, что они делали. Как муравьи, бежали они, слабые и жалкие, по земле, постоянно сталкиваясь друг с другом.

Но Прометей любил их горячей любовью творца к своему созданию и ни на минуту не оставлял их без своей помощи. Он постепенно научил их строить себе жилища, впрягать в ярмо животных, переплывать на лодках моря и реки. Он научил их также искусству считать и наблюдать за движением небесных светил. Никто из людей не знал, какая пища полезна и какая вредна; он научил их отличать полезное от вредного и вместе с тем показал им несколько целебных трав, из которых можно было делать лекарство. Он открыл им свойства золота, железа и серебра и научил выкапывать их. Словом, он ухаживал за ними, как за детьми, и постепенно учил их всему, что было полезно для них или могло доставить им приятную и удобную жизнь.

На небе царствовал в то время со своими детьми Зевс,

незадолго до этого свергнувший своего отца Кроноса и старый род богов, к которому принадлежал Прометей. Молодые боги с удивлением и любопытством смотрели на вновь появившихся обитателей земли. Заинтересованные, они стали покровительствовать им, но за это потребовали, чтобы те воздавали им почести и поклонялись им. Желая точно определить права и обязанности людей, боги назначили совещание, на котором должны были присутствовать и смертные.

Туда явился также и Прометей, боявшийся, что боги возложат слишком много тяжелого труда на слабый человеческий род и слишком мало радостей дадут ему. И весь свой ум, всю свою хитрость употребил титан на то, чтобы перехитрить богов и оградить людей от чрезмерных посягательств с их стороны.

На совет был приведен бык, чтобы боги выбрали те части его, которые человек должен был приносить им в жертву. Прометей заколол быка и, разделивши его на части, сложил их в две кучи. Одна куча, меньшая, заключала в себе мясо и вкусные съедобные внутренности; сверху же она была прикрыта кожей и никуда не годными частями быка. В другую кучу, большую по размерам, Прометей сложил кости, но снаружи красиво покрыл их слоем жира. Всевидящий Зевс проник обман и со смехом сказал титану: «Однако, любезный друг, ты очень неровно разделил твои части!» «Всемогущий Зевс! – с хитрой улыбкой возразил Прометей, – выбирай ту часть, которая наиболее угодна твоему сердцу!»

Зевс был разгневан его хитростью, но умышленно выбрал большую кучу. Сдернувши слой жира, покрывавший ее, и найдя под ним кости, он грозно взглянул на титана и с гневом произнес, обращаясь к нему: «Однако, сын Япета, теперь я хорошо вижу, что большой ты искусник обманывать и хитрить!»

И месть громовержца не замедлила обрушиться на головы людей, ради которых старался титан. Он отказал им в том даре, который теперь более всего был необходим им. Он не дал им огня. Тогда на помощь им явился вновь Прометей. Гнев Зевса не испугал его, и он, полный любви к людям, решился еще раз стать на защиту их против богов. Тайно похитил он с небес искру священного огня и в тростнике принес ее людям. И вот на земле запылал первый кусок дерева, и яркое согревающее пламя взвилось к небу.

Яростный гнев охватил душу Зевса, когда он увидел поднимающийся с земли столб дыма, и страшную кару придумал он для людей и их защитника- титана.

Искусный Гефест по его приказанию приготовил для него дивно прекрасную статую девушки. Афина покрыла ее блестящим покрывалом и вдохнула в ее грудь дыхание жизни. Афродита наделила ее божественной красотой, а Гермес дал ей дар слова. Ей дали имя Пандора, что значит «всем одаренная», и Зевс послал ее на землю. При этом он вручил ей золотой ящик, в котором были заключены все несчастья и болезни, терзавшие когда-либо людей.

Пандора спустилась на землю и, бесцельно бродя по ней, скоро достигла жилища юного Эпиметея, брата Прометея. Титан, боясь мести богов, запретил ему принимать от них какие-либо дары; но когда юная прекрасная Пандора появилась со своим золотым ящиком на пороге его хижины, он забыл все наставления брата и радостно встретил ее.

По просьбе Эпиметея Пандора раскрыла принесенный ящик, и весь сонм заключенных там несчастий мгновенно хлынул оттуда и распространился по всей земле. На самом дне сосуда была заключена надежда, согревающая в минуты скорби сердца людей, но Пандора, по знаку громовержца, захлопнула крышку, не дав ей вылететь.

И всякие бедствия быстро наполнили землю. Болезни стали и днем и ночью носиться среди людей, поражая и мучая их. И никто не слышал их приближения, ибо Зевс не дал им голоса, и они беззвучно скользили по земле. Жестокие, изнуряющие тело лихорадки появились повсюду, и холодное дыхание смерти, медленно облетающей землю, стало уносить тысячи жертв...

С глубокой горечью и болью глядел на эти бедствия сын титана, и его гордое, непокорное сердце измышляло новые планы мести богам.

Но Зевс не забыл его, и скоро гнев громовержца обрушился и на него. Он передал упрямца богу огня Гефесту; по приказанию Зевса Гефест крепкими цепями приковал его к кавказской скале и, кроме того, пригвоздил его к ней алмазным

клином, вбив его в грудь Прометею. С неохотой и против воли выполнял Гефест поручение Зевса, но он не смел ослушаться его.

В гордом молчании выносил Прометей ужасную мучительную боль, и только когда удалился Гефест, громкие стоны его огласили воздух... Его мать, Фемида, приходит к страдальцу и, утешая его, советует смириться перед всемогущим Зевсом. Она предрекает новые казни, которые ему готовит громовержец, но титан с гордостью отвергает ее предложение. «Должно свершиться решение судьбы, – говорит он, – и муж, познавший силу необходимости, не будет бежать его!»

А Зевс уже насылает на него новую казнь. Могучий орел громовержца спускается к страдальцу и, разрывая когтями его тело, выклевывает печень. Громкие стоны титана проносятся над землей, заставляя содрогаться всех, кто их слышит. Сделав свое кровавое дело, птица улетает, но только для того, чтобы вернуться вновь. Растерзанная печень быстро возобновляется, и на третий день орел снова спускается с небес и снова растерзывает зажившее тело.

И так проносятся тысячелетия...

Каждый третий день над мрачной скалой Кавказа появляется гигантская тень хищной птицы. Как камень, бросается она вниз на свою жертву, и громкие стоны возвещают миру о страшных мучениях борца за человеческое счастье. К вечеру птица улетает прочь, и ее окровавленный клюв показы-

вает, что только что в ее когтях была добыча.

Бури и грозы проносятся над скалой, и мощные удары грома, отражаясь в горных ущельях, поют гимн в честь гордой, несокрушимой силы великого страдальца и в честь великой любви его к человечеству...

Но вот поток идущих времен приносит с собой и освобождение.

К скале титана приходит величайший герой древности, Геракл. Своей, не знающей промаха стрелой он убивает ужасную птицу в ту минуту, когда она спустилась к скале; ударами палицы он разбивает оковы, и они со звоном падают к ногам страдальца. Одно звено цепи с куском скалы остается, однако, на руке Прометея, и он никогда не сможет освободиться от него. Ибо должна сбыться непреклонная воля Зевса, решившего, что Прометей будет вечно связан неразрывной цепью со скалой Кавказа.

И люди в память этого до наших дней носят на руках кольца с камнями.

Девкалион и Пирра

Когда до отца всего мира, Зевса, дошли дурные вести о преступлениях людей, он решил сам убедиться во всем и обойти для этого всю землю, приняв человеческий образ.

И повсюду слухи оказывались все же лучше правды.

Однажды вечером явился он к ужасному аркадскому королю Ликаону. По дороге он творил чудеса, и сопровождавшая его толпа, пораженная, падала перед ним на колени. Увидя это, Ликаон решил погубить чудотворца и гневно вскричал: «Ну, мы еще посмотрим, бог ты или человек!»

Он убил одного бедного человека и, сварив его мясо, подал его чужестранцу на ужин. Сам же сделал в это время все приготовления для того, чтобы убить его потом во время сна.

Но всеведущий Зевс догадался обо всем и, выйдя из-за стола, ниспослал мстительную молнию на дом богохульца.

Испуганный король выскочил на улицу, но первый крик ужаса, который он испустил, было рычание, так как бог превратил его в дикого волка.

Мрачный вернулся Зевс на Олимп и стал держать совет с богами о том, как наказать преступный человеческий род. Сначала он хотел опустошить вселенную молнией, но потом решил свергнуть с небес ужаснейший ливень и затопить людей в волнах потопа.

И это случилось. Восточные и южные ветры дружно устре-

мились с неба, гоня перед собой тяжело нависшие громады туч. Разрушительные потоки дождя стремительно полились вниз. И лес, и нивы заколебались под напором свистящего вихря и пригнулись к земле. Бог моря, Посейдон, брат Зевса, также помогал разрушению; он созывал реки, говоря им: «Покиньте свои русла и обрушьте на мосты и жилища!» Тотчас перекинулись реки через поля и быстро снесли с лица земли стены, дома и храмы. Если и оставалась нетронутой какая-нибудь крепкая башня, то вода мигом налетала на нее, взбегая на ее вершину, и она исчезала в бушующем потоке. Скоро нельзя было отличить воду от земли, и все превратилось в сплошное, безбрежное море.

Всеми силами старались спастись люди. Одни из них карабкались на высокие горы, другие садились на корабли и лодки и плавали в них над потонувшими деревьями и городами, в напрасной надежде спастись. Скоро и до них добиралась вода, и они гибли, обессиленные тяжелой борьбой.

Так целый народ был погребен в волнах потока; то же, что пощадила вода, умерло от голода на бесплодных вершинах гор.

В стране Фокиде, над бушующим морем, возвышалась еще одна высокая гора. Это был Парнас. К нему-то и приплыл со своей женой Пиррой Девкалион, сын Прометея, которого отец предупредил о грядущем бедствии и которому он подарил крепкий корабль.

Эта была редкая супружеская пара, которую никто не мог

бы превзойти в благочестии и в повиновении божеским законам.

Как только они достигли твердой земли, они преклонили колена и благодарили богов за свое спасение.

Когда Зевс увидел, что из всего бесчисленного количества людей осталась в живых только эта благочестивая пара, он послал северный ветер разогнать туманы и дождевые тучи.

И снова над опустошенной землей засияло голубое небо. Реки возвратились в свои русла, деревья выпрямили свои согнутые вершины, обнажились холмы, и скоро вся ровная гладь земли снова показалась из-под затоплявшей ее воды.

Огляделся вокруг себя Девкалион.

Повсюду пустынна и необитаема была земля. Слезы показались у него на глазах и, повернувшись к своей жене, он сказал: «Дорогая, куда я ни кину взор, я нигде не вижу ни одного живого существа. Только мы с тобой одни уцелели, все же другие – погибли. Что-то будем мы с тобой делать одни? Ах, если бы я был моим отцом Прометеем и мог создавать людей, вдвывая жизнь в глиняные изображения!» Так восклицал он и бросился вместе с женой на колени перед разрушенным алтарем Фемиды, умоляя ее: «О, помоги нам, богиня, снова оживить потонувший мир!»

«Оставьте мой алтарь, – послышался голос богини, – покройте ваши головы и перебросьте через себя кости вашей матери».

Долго думали они над этими загадочными словами, но

вдруг точно молния озарила Девкалиона, и он радостно вскричал: «Наша всеобщая мать есть земля, ее кости – камни, и их, Пирра, должны мы перебросить через себя!»

Они сделали так, и совершилось чудо! Каждый брошенный камень постепенно становился мягким и приобретал формы и образ человека. Та земля, которая была на камне, делалась мясом, твердая его часть превращалась в кости, а жилки на камне оставались жилками на теле человека.

Так превращались, с помощью бога, те камни, что бросал мужчина, в мужские образы, те же, что бросала женщина, – в женские.

Такое происхождение не должно оскорблять человеческий род; он зато остается самым крепким родом вплоть до наших дней.

Фаэтон

Ярко сиял дворец бога солнца, Гелиоса, возвышаясь на своих роскошных колоннах, весь украшенный золотом и карбункулами; высокий свод его был из слоновой кости, а широкие створчатые двери, блестящие серебром, вели в высокую солнечную залу. В эту залу вошел молодой Фаэтон, сын Гелиоса, и пожелал видеть отца. Он не мог вынести ослепительного света и потому остался стоять вдали, не подходя к нему.

Бог Гелиос, одетый в пурпур, сидел на своем смарагдовом троне.

День, Месяц, Год, Столетие и веселые Часы окружали его; за ними стояла Весна с цветами, Лето, увенчанное колосьями, Осень с корзиной винограда и Зима в снежном плаще и с инеем в волосах.

Все с интересом смотрели на юношу... «Что привело тебя сюда, в мой дворец?» – спросил Гелиос.

«О, светлый отец мой! – ответил ему Фаэтон. – Меня и мою мать Климену оскорбляют на земле и сомневаются в моем небесном происхождении. Поэтому я пришел молить тебя, чтобы ты дал мне какое-нибудь знамение, которое убедило бы весь мир в том, что я действительно твой сын».

Выслушав юношу, Гелиос обнял его и сказал: «Я никогда не отрекусь ни от тебя, ни от твоей матери, сын мой! Для

того же, чтобы ты не сомневался во мне, ты можешь потребовать от меня чего хочешь – и, клянусь Стиксом, твое желание будет исполнено».

Радостно выслушал эти слова Фаэтон и вскричал: «Позволь же мне только один день поправить твоей солнечной колесницей, – вот мое самое большое желание!»

Пораженный бог солнца покачал головой.

«Горе, мой сын! – сказал он. – Ты хочешь невозможного, я никак не могу доверить тебе этого. Ты берешься нести такую службу, на которую у тебя не хватит сил, и стремишься иметь даже больше того, что разрешено самим богам. Никто, кроме меня, не может стоять у пылающей оси! Даже у меня самого кружится голова и захватывает дыхание, когда я, поднявшись выше самого неба, смотрю оттуда вниз, в глубину. Не требуй же такого опасного подарка, мой сын, перемени свое желание и потребуй чего-нибудь другого, и все, чего бы ни захотел ты от всех богов Неба и Земли, – ты получишь!»

Но юноша не хотел менять своего желания, и Гелиос, поклявшийся Стиксом, должен был исполнить клятву.

Вздыхнув, взял он сына за руку и подвел к солнечной колеснице, этому мастерскому произведению Гефеста.

Колесница была вся из литого золота с серебряными спицами, под ярмом же блестели хризолиты и рубины.

Пока Фаэтон рассматривал эту божественную работу, на востоке проснулась Утренняя Заря и распахнула свои пурпуровые ворота в усыпанную розами залу... Потухли звез-

ды, и последняя из них утренняя звезда, вместе с нарождающимся серпом луны, исчезла за краем горизонта.

С тяжелым вздохом Гелиос отдал приказ Часам, чтобы они запрягли коней. Тотчас были выведены из стойл и взнузданы горячие, вспоенные амброзией кони.

Тем временем Гелиос намазал лицо своего сына душистой мазью, которая сделала его кожу способной выносить жгучее пламя солнца. С болью в сердце надел он затем на его голову лучистую корону и сказал: «Не употребляй бича, мое дитя, управляй только уздечкой, так как кони бегут сами, и стоит большого труда остановить их во время бега. Ты ясно видишь колеи от колес? Оставайся в них и не спускайся ниже, иначе ты можешь зажечь землю, но не подымайся и слишком высоко, так как небо также может воспламениться.

Но время еще есть! Пока не прошла ночь – одумайся, мой сын, и предоставь ехать мне. Прошу тебя, дай мне поводья и оставь меня самого разносить людям свет!»

Так просил Гелиос, но юноша, казалось, не слышал его; он радостно потрянул поводьями и с улыбкой кивнул головой встревоженному отцу.

С громким фырканием и ржанием взвились легкокрылые кони и сквозь открытые перед ними ворота понеслись в брезжущую рассветом даль. На бесконечное пространство протянулся перед взорами мальчика мир... Скакуны быстро пролетали свой кремнистый путь, легко рассекая расстилавшийся перед ними туман.

Но вскоре они почувствовали, что колесница на этот раз легче, чем всегда, и что она прыгает и качается, как челнок, не имеющий равновесия. Как только животные почувствовали, что над ними нет больше прежнего опытного и строгого возницы, — они перестали бежать обычным путем и свернули на новую дорогу.

Фаэтон начал дрожать: он совсем не знал дороги и не умел ни править, ни укрощать коней.

Он обернулся назад: часть неба уже оставалась позади, но впереди предстояло еще громадное пространство... Когда же он взглянул вниз, на виднеющуюся в страшной глубине землю, у него закружилась голова, он побледнел и колени его задрожали. В ужасе устремившись вперед и схватив поводья, он хотел окликнуть коней, но забыл их имена...

Вдруг он, вздрогнув, выронил уздечку. Как только она, соскользнув, коснулась спин лошадей, они испугались и метнулись в сторону, в неизведанное еще воздушное пространство.

Они кидались теперь то вверх, то вниз, то достигали неподвижных светил, то срывались на отрывистую тропу вблизи земли.

Как только колесница касалась облаков, они, быстро вспыхнув, исчезали, превратившись в пар.

Все ниже и ниже спускалась колесница и, вдруг, неожиданно наткнулась на вершину горы.

В один миг земля раскалилась от жара и растрескалась,

так как все сразу высохло. Степная трава пожелтела и начала дымиться, листва деревьев вспыхнула, разбрасывая вокруг себя искры. Нивы были уничтожены огнем, реки высохли, и целые города пылали... С ужасом глядел Фэтон на пылающую землю. Пламя и летящая из него зола жгли его, и его мучения становились невыносимыми.

Бесчувственного несли его крылатые кони вперед, и ночь была перед его глазами... Но вот огонь охватил его волосы, и он, покачнувшись, упал из колесницы. Подобно падающей звезде, кружился горящий Фэтон в воздухе, пока не упал в поток Ариадны, где сострадательные наяды погребли его.

В глубокой печали поник головою отец его, Гелиос, а мать его, Климена, вместе со своими дочерьми, плакала о нем до тех пор, пока слезы ее не превратились в янтарь, а дочери – в ольховые деревья.

Таково сказание о Фэтоне.

Кадм и основание Фив

Кадм, сын финикийского царя Агенора, был брат молодой девушки Европы, прославившейся своей красотой. Когда хитрый Зевс, превратившись в быка, похитил молодую царевну, Агенор послал Кадма и его братьев отыскивать ее и приказал им не возвращаться домой без сестры.

Напрасно исходил Кадм все земли, отыскивая Европу; поиски его повсюду оказывались безуспешными. Наконец, боясь гнева отца, он явился к оракулу Аполлона, чтобы получить у него совет, что предпринять ему дальше.

«Ты встретишь на лугу быка, – слышался божественный голос оракула, – который еще ни разу не был под ярмом; подойди к нему, и на том месте, где он ляжет, построй город и назови его Фивы».

Выйдя из пещеры, где находился оракул, Кадм действительно увидел на зеленом лугу быка, на котором не было видно следов ярма.

Он тотчас тихо пошел за ним через брод Кефиса, и какова же была его радость, когда бык скоро улегся на сочную траву!

В глубокой благодарности богам, покровительствующим ему, поцеловал он незнакомую землю и послал своих слуг к близлежащему источнику, чтобы они принесли воды для жертвенного возлияния Зевсу.

В ущелье же, по которому протекал ручей, скрывался

ужасный дракон. Он лежал там, вытянув свое змеиное, все пропитанное ядом, тело, с кроваво-красным гребнем на голове, разинув свою страшную пасть, усеянную тремя рядами зубов. Когда финикийцы начали черпать воду, дракон высунил свою голову из пещеры и начал ужасно шипеть. Потом он кинулся на несчастных, совсем онемевших от ужаса, и с быстротой молнии умертвил их всех: одних он убил ядовитым дыханием своей пасти, других задушил, обвив своим змеиным телом.

Тем временем Кадм, не понимавший, почему так долго не возвращаются его слуги, вооружился мечом и копьем и пошел их отыскивать. Подойдя к источнику, он с ужасом увидел их трупы, разбросанные перед пещерой отвратительного чудовища. Пылая мщением, схватил он осколок скалы и бросил его в дракона, но тот остался невредим, так как чешуйчатая кожа защищала его, как железный панцирь. С копьем дело вышло удачнее: острый конец его глубоко вонзился в тело чудовища и остался торчать в нем, причиняя нестерпимую боль дракону. Извиваясь от боли, он начал грызть своей пастью древко копья, стараясь вытащить его из раны, но в это время Кадм, воспользовавшись удобной минутой, нанес ему тяжелый удар мечом прямо в глотку. Выпрямившись, как древесный ствол, разъяренное чудовище грянуло на врага, но Кадм успел ускользнуть от него и, спрятавшись за густыми деревьями, смотрел, как животное корчилось от боли. Выбрав минуту, когда оно зализывало свои раны, он воткнул

ему в шею свое второе копьё с такой силой, что оно, пройдя насквозь, вонзилось в стоящее около молодое деревцо, пригвоздив таким образом дракона к нему. От отчаянных извиваний громадного змеиного тела дерево вырвалось из земли и упало на издыхающее чудовище, которое с диким ревом испустило дух.

В то время как Кадм разглядывал убитого дракона, спустилась с Олимпа Афина Паллада и приказала герою взять зубы дракона и посеять их на разрыхленную землю.

Лишь только он исполнил ее приказание, как засеянное им поле внезапно зашевелилось, и из земли начали показываться сначала верхушки копий, затем шлемы, плечи, закованные в броню руки, и, наконец, отовсюду появились живые, вооруженные люди. Из каждого места, где был посеян зуб, выходил такой человек, и скоро целая толпа воинственных, угрожающе потрясавших копьями мужей предстала перед глазами изумленного героя.

Готовый на новую битву, Кадм вынул свой меч, чтобы броситься на врагов, но в эту минуту один из них крикнул ему: «Не тронь своего меча! Не вмешивайся в наши дела!» — и с этим криком он кинулся на одного из своих товарищей, но в ту же секунду сам был сражен ударом копья своего соседа.

Так избивали друг друга в этой ужасной схватке странные земляные воины. Скоро почти все они лежали на земле с оторванными членами и пронзенными телами, и только пять

из всех остались в живых.

Один из этих пяти, называвшийся Эхионом, по приказанию Афины Паллады сложил оружие и просил мира. Четверо других последовали за ним.

С этими пятью рыцарями Кадм, согласно предсказанию оракула, построил город, который и теперь еще носит название Фив.

Пенфей и Вакх

Дионис (Вакх), сын Зевса и Семелы и внук Кадма, родился в Фивах, но был воспитан в Индии у нимф. Он первый открыл свойства виноградного сока и обошел с ним все земли, обучая людей возделыванию винограда и повсюду устанавливая религиозный культ Вакху. Милостивый к своим последователям, он неумолимо карал всех, осмеливавшихся хулить его и оспаривать его божественное происхождение. Слава о нем быстро распространилась по всей Греции и достигла также и Фив, где в то время царствовал Пенфей, сын Эхиона и Агавы, приходившийся по матери родственником Вакху.

Это был гордый и высокомерный человек, с насмешкой относившийся ко всяким богослужениям и в особенности презиравший служение Вакху. Узнавши, что бог с толпой своих последователей приближается к Фивам и что толпы мужчин и женщин устремляются навстречу ему, он разразился яростно бранью. «Что за безумие овладело вами, фиванцы? – воскликнул он. – Что за охота вам глазеть на эту толпу обезумевших женщин и глупцов? Неужели потерпите вы, чтобы мальчишка, неженка, разодетый в пурпур и не умеющий править конем, вскружил головы всем в Фивах и, чего доброго, овладел ими? Нет, я сумею обойтись с этим наглецом, я заставлю его сознаться, что он вовсе не бог, а

самый простой смертный!»

И он отдал приказ своим слугам во что бы то ни стало схватить Дионисия и скованным доставить его в город.

Но посланные через некоторое время возвратились и заявили, что они нигде не могли найти Дионисия и что им удалось только поймать какого-то человека из его свиты. И действительно, они привели высокого роста чужеземца, который без всякого страха смотрел прямо в глаза царю.

«Прежде чем ты отправишься в преисподнюю, любезный, – сказал Пенфей, – сообщи нам свое имя, откуда ты и что побудило тебя пристать к этой безумной толпе?»

«Мое имя Акет, а родом я из Меонии! – ответил, нимало не испугавшись, чужеземец. – Мой отец не оставил мне ни полей, ни стад, а только научил меня искусству управлять кораблем и ловить рыбу. И вот однажды буря прибила наш корабль к какому-то неизвестному берегу. Мы высадились на землю, и я, оставив своих спутников около корабля, отправился осматривать местность. Но пока я отсутствовал, мои товарищи нашли на берегу какого-то мальчика и, связавши его, перенесли на корабль. Мальчик был охвачен сонливостью и продолжал спать и на корабельной палубе. Но через несколько времени, когда мы уже успели отъехать от берега и были в открытом море, он пробудился и, глядя на нас, сказал: «Не можете ли вы отвести меня на остров Наксос? Там моя родина».

Я обещал ему это и сейчас же повернул свой корабль на-

право, так как Наксос лежал в этом направлении от нас. Но мои спутники накинулись на меня: «Что за глупости делаешь ты еще тут? Поворачивай налево! Мы продадим этого красивого мальчишку в рабство и получим за него хорошие деньги». И, несмотря на мое сопротивление, они настояли на своем, отняли у меня руль и стали править в противоположном направлении.

Но мальчик скоро заметил это. Со слезами на глазах он стал просить нас не обманывать его и сдержать обещание, которое я дал ему. Слезы его, разумеется, нимало не действовали на злодеев, и они продолжали плыть совсем в другую сторону. Тогда мальчик перестал просить и плакать, и вдруг корабль неподвижно остановился на одном месте. Напрасно гребцы напрягали все свои силы – корабль не двигался ни на пядь. Затем откуда-то появился плющ и с быстротой молнии начал обвивать весла, мачту и паруса.

Тем временем юноша совершенно преобразился: отблеск божественной красоты и достоинства сиял на его челе, в руке он держал жезл, вокруг которого вилась зеленеющая виноградная лоза. Тигр и пантера лежали у его ног, и внезапно благоухающий поток вина залил весь наш корабль.

Я уже давно смекнул, что среди нас находится божество, и теперь смиренно преклонил свои колени; спутники же мои совершенно обезумели от страха и, не зная что делать, без толку метались по палубе. И вдруг что-то диковинное стало происходить с ними: рты и носы их начали срастаться вме-

сте, образуя пасть рыбы, руки превратились в плавники, а туловище и ноги соединились вместе и сделались похожими на туловище и хвост большой рыбы. Чешуя повсюду заменила их кожу, и в таком преобразованном виде они все попрыгали в море. Остался нетронутым только я один; с ужасом глядя на все происходящее, я ждал и для себя такой же печальной участи, но юноша успокоил меня и ласково сказал мне: «Я – Вакх! Не бойся меня и направь корабль прямо на Наксос. Там ты получишь от меня заслуженную тобой награду!»

«Сейчас же повернул я, куда нужно, барку, и скоро мы благополучно прибыли в Наксос. Там Вакх посвятил меня в жрецы, и с тех пор я несу...»

«Довольно с нас этой нелепой болтовни! – с гневом прервал рассказчика царь. – Эй, рабы! Заприте-ка пока его!» Приказание его было сейчас же исполнено, а он, еще более раздраженный, чем прежде, снова отдал приказ во что бы то ни стало изловить самого Вакха и вместе со всей его свитой привести к нему. Целое большое войско снарядил он для этой цели, но в нем не встретилось никакой надобности, ибо Вакх сам, без всякого сопротивления, позволил посланным связать себя и отвести к королю.

Тот, увидав его, был невольно поражен его красотой и величием, но гордость и упрямство пересилили это чувство невольного удивления, и он дал приказ запереть бога и его последователей в тюрьму.

Улыбаясь, вступил Вакх в место своего заточения и позво-

лил запереть себя. Но в следующую же минуту раздался глухой подземный удар. Стены темницы распались, оковы спали с рук заключенных, и Вакх, свободный и торжествующий, уже шествовал по улицам города в сопровождении своей ликующей свиты.

А впереди его, в зеленеющем поле, уже собирались целые толпы женщин, объятых каким-то непонятным воодушевлением. Собственная мать и сестры короля предводительствовали этими толпами, и целый ряд чудес сопровождал их ликующее безумное шествие. Скалы изливали поток огненного вина, как только кто-нибудь прикасался к ним своей палочкой, древесные стволы начинали источать мед, и прохладные воды ручья по одному мановению превращались в молоко.

С неописуемым изумлением рассказывали об этом царю его посланные. Но тот, ослепленный своим упрямством, приходил все в большее и большее раздражение. Собравши всех своих воинов и всадников, он еще раз приказал им схватить Вакха. Но благодущный бог, желая отвести гибель от упряма, сам явился к нему, чтобы последний раз попытаться образумить его. Он обещал ему утихомирить всех своих приверженцев, если только Пенфей сам явится поглядеть на шествие; при этом бог предупреждал его, чтобы он надел женское платье, ибо в противном случае обезумевшие женщины разорвут его, увидав в нем мужчину и непосвященного.

Побежденный красноречием бога, Пенфей принял его

условие и тотчас же последовал за ним. Но гордость помешала ему исполнить дружественный совет Вакха, и он отправился на праздник в своем мужском костюме. Лишь только он вышел за городские ворота, вакхическое безумие овладело и им. Все вещи стали двоиться и меняться в его глазах, Вакх превратился вдруг в громадного быка, и вот он, схватив тирсовую ветвь, устремился в ряды беснующихся женщин.

Так пришел он вместе с ними в глубокую долину, скрывавшуюся в тени высоких, обвитых плющом сосен. Вакханки с громкими криками рассеялись по зеленеющей долине и, обвив свежими листьями плюща свои тирсовые жезлы, стали петь торжественные гимны в честь Вакха.

Глаза Пенфея все время были поражены какой-то слепотой, и, увлекаемый толпой вакханок, он совершенно не замечал их. Придя в долину, он также стал срывать листья плюща, обвившегося вокруг громадной сосны. Вдруг Вакх подошел к нему и мановением своего жезла пригнул к земле вершину сосны, около которой стоял Пенфей. Тот, не сознавая, что он делает, влез на нее; бог снова взмахнул своим жезлом, и сосна выпрямилась, унося в вышину несчастного царя.

Как привязанный, сидел он там у всех на виду, не слыша и не видя, что делается вокруг него. Вдруг громкий крик раздался внизу: «Смотрите, женщины, вон хулитель, оскорбляющий и насмехающийся над нашим священным праздником!» На минуту все стихло, взоры всех устремились на вершину сосны, но уже в следующую минуту поднялся невооб-

разимый шум и крик. Все вакханки бурно устремились к дереву, стараясь сбить Пенфея камнями и сучьями.

Видя, что старания их попасть в несчастного не удаются им, они придумали новое средство. Вооружившись еловыми сучьями, они бросились к корням дерева и стали со всех сторон обкапывать их. Работа быстро подвигалась вперед, и, наконец, сосна, покачнувшись набок, с треском упала на землю. Сучья предохранили Пенфея от ушибов, но падение вернуло ему сознание. С ужасом оглянулся он кругом, горько раскаиваясь, что не последовал совету бога и не надел женского платья. Толпа неистовых женщин моментально окружила его, и его мать, Агава, первая набросилась на него; напрасно молил он ее о пощаде, напрасно называл матерью и просил ее узнать его, — Агава ничего не слыхала. Ей казалось, что перед ней находится горный лев, и она, с яростью схватив его правую руку, оторвала ее от тела. В ту же самую минуту с другой стороны к нему подскочила его сестра и вырвала ему левую.

Обессиленный от боли и ужаса, Пенфей повалился на землю, и вся безумствующая толпа накинулась на него и по кускам растерзала его тело.

Так погиб хулитель Вакха, растерзанный своими собственными близкими.

Персей

Оракул предсказал царю Аргоса, Акрисию, что он погибнет от руки своего внука. Чтобы избавиться от этого, король заколотил своего маленького внука, Персея, вместе с его матерью в бочку и бросил их в море. Но Зевс оберегал их, и они были выброшены волной на берег острова Серифа, где в это время один из царей страны, Диктис, ловил рыбу вместе со своим братом Полидектom. Оба они дружелюбно встретили бедную отвергнутую царицу и ввели в свой дом. Скоро она сделалась женой Полидекта, и Персей был заботливо воспитан во дворце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.